

Глинский-Васильев Д.Ю. Российско-американские отношения в постреформаторскую эпоху

Парадоксы идеологического сближения

Транснациональное сообщество элит и расширенная однополярность

Американо-российские отношения невозможно объективно оценить и спрогнозировать вне исторического контекста – как глобального, так и контекста внутреннего развития обоих обществ. Как известно, на протяжении десяти последних лет дистанция между США и Россией возрастала по всем объективным показателям: американский ВВП вырос на 30%, а российский сократился почти наполовину и сегодня примерно равен ВВП отдельно взятого штата Нью-Йорк. Вместе с тем российская правящая "элита" относительно успешно вписалась в американоцентричную глобальную систему отношений в мире. При всех естественных внутрисистемных противоречиях и неравномерности интеграции отдельных групп в транснациональное элитное сообщество, интересы российской элиты в целом ни в коей мере не антагонистичны сложившемуся де-факто однополярному мировому порядку – в той мере и до тех пор, пока она сама причастна этому "полюсу" через структуры "большой восьмерки", присутствие на Давосском форуме и т.д. В этом сближении элитных интересов и взглядов на мир (начавшемся еще в советскую эпоху), на фоне увеличивающейся асимметрии между двумя странами и обществами, на мой взгляд, заключается главный парадокс российско-американских отношений. Являясь источником немалых возможностей для обеих сторон в краткосрочной перспективе, он может быть чреват далеко не радостными последствиями в более отдаленном будущем.

Минувшее десятилетие было эпохой экспансии элит: для американских глобалистов это было распространение *Rax Americana* на новые территории, а для российских компрадоров – экономическая экспансия за счет большинства населения собственной страны. Обогащение одних и военно-политическое наступление других служили двумя сторонами одной медали. Пределы развития в том и другом направлении четко обозначились в результате финансового краха 1998 года и войны в Югославии. Ресурсы экспансии с той и другой стороны оказались исчерпаны, отсюда несколько иллюзорный эффект отчуждения, в действительности отражающий естественное завершение той беспрецедентной взаимопомощи элит (займы, пропагандистская поддержка реформ, череда дипломатических уступок с российской стороны), которая характеризовала собой 90-е годы. Упреждая рост оппозиционных сил, к власти в обеих странах пришли люди и группировки, ставящие во главу угла сохранение статус-кво, консолидацию внутренних ресурсов, закрепление полученных в 90-е годы фантастических приобретений.

Сегодня в США и России наблюдается не только совпадение политических циклов, но и беспрецедентная идеологическая близость между основными группами у власти. Как в Кремле, так и в Белом доме находятся одностипно-консервативные по традиционным западным меркам, и порой достаточно далеко заходящие в своем консерватизме политики. Соответственно, они не преследуют целей экспансии, их внешнеполитические установки носят, прежде всего, оборонительный и реактивный характер. Это ни в коей мере не идеология мирового лидерства и не идеология развития, скорее – наоборот.

(Наступательный инстинкт реализуется во внутренней политике, естественно, в рамках ограничений, накладываемых той и другой политической системой и культурой, к примеру: и в Америке и в России вводятся элементы регрессивного налогообложения, осуществляется наступление на социальные права, наступление на экологию, налицо анти-интеллектуальные веяния в государственных структурах.) Такое идеологическое родство душ может на какое-то время стать "гвоздем программы" российско-американских отношений. На это, по-видимому, и рассчитывали те российские политики и политтехнологи, которые – порой на грани фола – подыгрывали республиканцам в избирательной кампании 2000 года.

Политика статус-кво и различия в ее понимании

Выражением консерватизма во внешней политике служат т.н. "прагматизм" и "реализм", являющиеся разновидностью идеологии, а именно, идеологии сохранения статус-кво (несмотря на характерный для американской внешней политики радикализм формулировок о последовательном отказе от наследия "холодной войны" в виде договоренностей о контроле над вооружениями). Пожалуй, впервые за десятилетия и США, и Россия выступают как державы-охранительницы статус-кво. Однако уже на этапе определения существа этой политики появляются неизбежные трещины: во внешней политике *статус-кво для США и России означает принципиально разные вещи*. Если для американцев речь идет о сохранении **реальной** финансовой, технологической и военной гегемонии внутри и вне западного мира, то для России внешнеполитический статус-кво – это, прежде всего, ее **символическое** положение в качестве привилегированного партнера США в процессе контроля над вооружениями и члена "большой восьмерки", статус, не вполне отвечающий реальности и полученный или сохраненный "в обмен" на геополитическое саморазрушение и деиндустриализацию собственной страны. Если поддержание американского статус-кво в первую очередь зависит от динамики самой американской экономики и ее дипломатии, то российский статус на данный момент является, прежде всего, функцией американских (и в меньшей степени германских) интересов и готовности Вашингтона продолжать устраивать "потемкинские деревни" для российской элиты. Но и американцы в свою очередь на протяжении всего последнего десятилетия утверждают и подкрепляют свою гегемонию в мире не без помощи позиции, которую занимала и занимает Россия. В этом – особая логика российско-американских отношений, поскольку остаточная символика биполярности и взаимного признания друг друга в качестве исходных "полюсов", структурирующих собой мировую политику, существует именно – и едва ли не только – в рамках этих отношений. Отсюда – психологические комплексы, преследующие российскую элиту в ее отношениях со странами "третьего мира" и подсознательный страх оказаться в этой категории, вследствие чего ее заслуги по поддержанию квази-биполярной модели оказались бы обесцененными.

Первое время после прихода администрации Буша российский статус-кво оказался под угрозой вследствие не вполне продуманных республиканцами шагов, особенно демонстративного перемещения России вниз в системе внешнеполитических приоритетов, подкрепленного соответствующими организационно-бюрократическими решениями. Однако резкое обострение отношений внутри западного сообщества, в особенности между США и Европой, по самому широкому кругу вопросов (от Киотского протокола до НПРО), а также между США и Китаем, высветили неожиданные или неявные точки соприкосновения между российской и американской позицией. А в самое последнее время республиканская администрация оказалась в еще большей мере ослаблена вследствие перехода большинства в Сенате США к демократической партии. В результате основные элементы российского статус-кво в мировой политике сегодня ускоренно восстанавливаются не без помощи администрации Буша. Парадоксальным образом, Россия Путина может оказаться ближе к этой администрации по целому ряду практических вопросов, в том числе и ПРО, чем некоторые ведущие американские союзники по НАТО и "большой восьмерке", а также и внутривнутриполитические критики администрации, отрицательно относящиеся не только к возможности подрыва договоренностей эпохи "холодной войны", но и к самой идее противоракетного щита независимо от судьбы этих договоренностей. Характерно, что в период кризиса вокруг Медиа-Моста

за исключение России из "восьмерки" высказалась только газета "Вашингтон пост", вообще говоря, близкая к демократической партии.

Общим в понимании статус-кво большинством американских и российских элит является чаще всего открыто не декларируемая, но подразумеваемая нежелательность перехода "третьих стран" в статус сверхдержавы, соизмеримой с США по своим технологическим возможностям, а с Россией – по своему ракетно-ядерному потенциалу. Не случайно одним из ведущих идеологов нынешней американской администрации является замминистра обороны Пол Вольфовиц, еще в 1992 году в знаменитом "меморандуме Вольфовица" провозглашавший цель воспрепятствовать появлению новых держав глобального значения. С этой точки зрения наиболее вероятным нарушителем статус-кво является Китай, а также те страны "третьего мира", которые стремятся повысить свое положение в мировой иерархии и изменить распределение ресурсов в свою пользу, в том числе путем приобретения оружия массового уничтожения и средств его доставки. По стечению обстоятельств, перечень так называемых "государств-изгоев", которые, наряду с Китаем рассматриваются американским министерством обороны как наиболее вероятный источник ракетно-ядерной угрозы в будущем, включает в себя лидеров либо претендентов на лидерство в "третьем мире", наиболее откровенно выступающих в роли ревизионистов мирового порядка. (С точки зрения путинской России, главной ревизионистской силой является "исламский фактор", к которому администрация Буша в целом относится более чем терпимо, тем самым налицо расхождение не только в восприятии статус-кво, но и в определении конкретных источников угрозы).

Как показывает ход событий, в системе координат, унаследованной эпохой "холодной войны", обладание ядерным оружием, бесспорно, служит повышению статуса его обладателей, о чем свидетельствует, в частности, пример Индии. (Обратный пример представляет собой покойная Югославия, в 70-е годы отказавшаяся от собственной ядерной программы). Отсюда, казалось бы, и основной пункт совместных действий по сохранению статус-кво – борьба с распространением ОМУ. Однако эта борьба запоздала, поскольку с переходом Индии и Пакистана в категорию ядерных государств режим нераспространения практически утратил авторитет и силу. Поэтому в реальной политике стратегия США и России расходятся: американцы пытаются ответить на реальное нарушение статус-кво путем создания ПРО, а российская дипломатия борется за символический статус-кво, закрепленный в режиме контроля над вооружениями времен американо-советского глобального condominiuma.

Понимая это обстоятельство, Кремль одновременно преследует и другую линию, фактически предлагая собственный проект нестратегической международной ПРО с участием России (и, тем самым, автоматически признавая наличие угрозы со стороны "государств-изгоев", которую подвергают сомнению ведущие европейские государства и оппоненты НПРО в самих США). В результате – все более явная противоречивость российской стратегии в этом вопросе.

Внутренние противоречия в российской и американской политике

Администрация Буша выходит на предстоящую встречу в верхах в Любляне в качестве дипломатически ослабленного партнера, нуждающегося в положительных результатах, как для решения собственных внутренних задач, так и для укрепления своей пока еще неустойчивой позиции среди лидеров западного сообщества. В отличие от российской президенты, Дж.Буш-младший является не единственным, а возможно, и не самым главным участником процессов, формирующих внешнеполитическую программу республиканской администрации. К тому же переход сенатского большинства в руки демократической партии и передел сенатских комитетов существенно меняют повестку дня, в том числе и в американской внешней политике. Демократы, включая председателя комитета по вооруженным силам Карла Левина, выступают категорически против одностороннего выхода из советско-американского договора 1972 года и не намерены финансировать развертывание системы ПРО, что делает несколько абстрактным дипломатический торг по этому вопросу, в том числе обсуждение нестратегического ПРО и других альтернативных проектов (уже не говоря о том, что любой проект противоракетного щита, подобно СОИ, в конечном счете является технологической утопией). Напротив, тема расширения НАТО, в первую очередь на государства Балтии, приобретает новую актуальность ввиду позиции по этому вопросу лидеров демократического большинства, в том числе нового председателя комитета по международным делам Дж.Байдена – давнего и активного сторонника расширения Альянса. В ближайшие месяцы именно инициатива "снизу" – в виде законопроектов и резолюций Конгресса, а также повышенной активности балтийского лобби и заинтересованных в дальнейшем расширении восточноевропейских правительств – может оказать сильнейшее давление на не склонную торопиться в этом вопросе администрацию Буша.

Если исходить из нежелательности для России расширения Альянса на страны Балтии, то речь должна была бы идти о встречной работе российской дипломатии по этим направлениям. Однако о существовании Конгресса, не говоря уже об американском гражданском обществе и общественном мнении, у нас вспоминают редко, зачастую проецируя моносубъектность российской власти на иные политические реалии. К тому же и ресурсы публичной дипломатии в условиях резкого сужения сферы публичной политики в самой России предельно ограничены. А главное, российская политическая элита и экспертное сообщество за десять лет так и не приблизились к консенсусу по поводу национальных интересов России в связи с расширением НАТО, и какое бы то ни было противодействие этому процессу не входит в число явных приоритетов российской внешней политики. Напротив, нынешнюю позицию Кремля по этому вопросу западные эксперты определяют как сравнительно лояльную. Основой для подобных выводов служат как высказывание В.Путина о возможности членства России в Альянсе (лишь частично скорректированное впоследствии), так и его заявление в ходе недавних российско-литовских переговоров, которое западные комментаторы уже интерпретировали как согласие с неизбежностью членства Литвы в Альянсе. Надежда на возможность собственной интеграции с НАТО (вероятно, в противостоянии все тем же исламской и китайской "угрозам"), как и в 90-е годы, остается лейтмотивом российских внешнеполитических дискуссий. Следует отметить, что на данном историческом этапе внешняя политика России обречена на внутреннюю противоречивость при сколь угодно высокой степени концентрации личной власти, поскольку источником этих противоречий служит социально-экономическая и психологическая разорванность постреформаторской России между двумя мирами и сохраняющийся риск опускания правящей элиты, вслед за страной, в "третий мир" – в результате внутренней дестабилизации или внешнеполитической изоляции. Следствием этого подвешенного состояния является характерный парадокс путинской внешней политики – принципиальная готовность к компромиссам с американцами по важнейшим стратегическим вопросам на фоне развернутой внутри страны беспрецедентной за многие годы националистической кампании и формирования синдрома "осажденной крепости". Такое состояние может продлиться до тех пор, пока российская элита востребована в качестве сравнительно лояльного переговорщика на фоне растущих противоречий администрации Буша с собственным Конгрессом, европейцами и Китаем.

США и Россия в зеркале мирового общественного мнения

Сегодняшние Россию и США также сближает "пиаровская" проблема – устойчиво негативный образ обоих государств, причем, как правило, в одних и тех же странах и кругах мирового общественного мнения (те, кто не любит США за гегемонизм и склонность к силовым методам, видят в России крупнейший эпицентр мировой коррупции и едва ли не главного "виновника" сегодняшнего однополярного перекаса и безальтернативности в международной политике). Это

позволяет США и России конкурировать почти на равных за титул "наименьшего зла", во всяком случае, на пространстве бывшего СССР и отчасти на Балканах. Они явно нуждаются здесь друг в друге, как два непопулярных, но безальтернативных кандидата на выборах – что во многом является возвратом к модели "холодной войны", только на сузившейся геополитической площадке.

У нас сегодня мало кто осознает, насколько взаимосвязаны между собой негативные "рейтинги" США и России. К примеру, недавний скандал с неизбранием США в Комиссию ООН по правам человека, конечно, является свидетельством критического отношения к американцам среди государств-членов ООН, но и нынешней российской власти тут радоваться особенно нечему, поскольку из трех государств, представляющих теперь Запад в этой комиссии, по крайней мере, два – Франция и Швеция – настроены более жестко, чем Вашингтон, в вопросе нарушения прав человека в Чечне и в вопросе о свободе печати.

В итоге, если мы говорим не об американо-российских отношениях вообще, а об отношениях политических сил, находящихся у власти в обеих странах на данный исторический момент, то налицо **явная востребованность друг другом**. Кремлю необходим консервативный партнер в Белом доме, не вмешивающийся в отношения российской элиты с ее собственными гражданами. Администрации Буша на руку режим "выборной монархии" в России, несущий единоличную ответственность за все решения, а потому являющийся удобным переговорщиком, как по стратегическим вопросам, так и по выплате долгов, к тому же напоминающий американским избирателям о провале клинтоновской политики – и не вызывающий симпатий у влиятельных противников республиканского курса ни в самих США, ни за их пределами. Отрицательной стороной этой ситуации является то, что в условиях, когда внутренние источники социально-экономического и политического развития по несырьевому пути заблокированы, российский статус-кво остается в основном функцией внешних обстоятельств. Значительное изменение конъюнктуры на рынках сырья, возвращение к власти в США в 2004 году демократов, "обжегшихся" на российских реформах, а также эрозия американоцентричной однополярности могут привести к дальнейшей маргинализации России. Попытки же построения корпоративно-полицейского государства, даже при содействии западных консерваторов, способны лишь безнадежно усложнить решение стоящих перед Россией задач, как во внутренней, так и во внешней политике.

Альтернативы - реальные и призрачные

Представленные выше соображения приводят к выводу о том, что поле внешнеполитических альтернатив с российской стороны предельно сужено, а основные параметры отношений с США на обозримое будущее заданы как объективной слабостью России так и, в не меньшей степени, интересами элиты, привязывающими ее к западному "полюсу" мировой системы. Конфликты с американцами неизбежны при попытках вытолкнуть российскую элиту (или, как в случае с Павлом Бородиным, ее отдельных представителей) из этой конструкции, однако речь ни в коей мере не идет о какой-либо ее фундаментальной перестройке по российской инициативе.

В заключение, несколько слов о так называемой "антизападной", "антиамериканской" альтернативе, которая, на мой взгляд, представляет собой яркий пример виртуальной политической реальности, что-то наподобие "угрозы коммунистического реванша". "Антизападная" альтернатива в России существует на уровне малосодержательной и маргинальной риторики, которая с трудом поддается практической операционализации. К тому же как "про-", так и "антизападничество" содержательно обесмысливается в контексте глобализационных процессов. Считать ли "антизападную" политикой развитие стратегического сотрудничества с Китаем и Индией? Но эти государства не настроены антизападно, численность китайских студентов в американских колледжах на порядок выше, чем российских, а в экономическом плане Россия вряд ли способна в настоящее время пойти на большее сближение с Китаем, чем это сделала администрация Клинтона. Сотрудничество с "государствами-изгоями"? Однако подлинный характер отношений Запада с Ираном, Ираком и Северной Кореей значительно искажен в зеркале российских масс-медиа. Ряд европейских компаний, при молчаливом согласии своих правительств, расширяют свое экономическое присутствие в Ираке и Северной Корее, что касается Ирана, то полуофициальным сторонником снятия с него санкций выступал не кто иной как нынешний вице-президент США Р.Чейни – в недавнем прошлом глава компании "Хэллбэртон", едва ли не в открытую нарушавшей санкции при Клинтоне. В действительности речь идет о конкуренции различных политико-экономических субъектов, в том числе представляющих американские и российские интересы, в которой само понятие "государства-изгой" является не в последнюю очередь средством запугивания или выдавливания конкурента. Может быть, "антизападная" политикой следует считать противодействие расширению НАТО? Однако немалое число противников этого процесса, возможно, более последовательных, чем сегодняшняя российская дипломатия, найдется и в Европе, и в американском Конгрессе, и в Пентагоне. Учитывая чрезвычайно широкий спектр реальных позиций и интересов, представленных в американской и западной элите, практически любая реально мыслимая "прозападная" либо "антизападная" политика с российской стороны в действительности совпадает с позицией тех или других политических сил в рамках западного общества. Так, ельцинско-kozyrevский курс способствовал беспрецедентному укреплению атлантистов и сторонников внешнеполитической экспансии, а в конечном счете, и приверженцев односторонних акций, в ущерб другим внешнеполитическим интересам и силам в США, в том числе и более изоляционистски настроенным.

В действительности, разговоры об антизападном либо прозападном курсе зачастую маскируют подлинное существо проблемы, а именно, периферийность сегодняшней России по отношению к глобальному "центру", и различные мыслимые конфигурации этой периферийности. По своей структуре российское общество по-прежнему пирамидально, очертания этой пирамиды стали яснее и резче в постреформаторскую эпоху, а ее отдельные грани по-разному развернуты относительно мирового ядра глобализированной экономики. Реальную угрозу развитию российской экономики и общества в направлении более полной и равномерной интеграции с внешним миром представляет собой растущая монополизация этой сферы корпоративно-бюрократической элитой и спецслужбами, провоцирующая антизападные настроения и риторику в той части социальной пирамиды, которая оказывается изолированной от глобализационных процессов. Подлинной альтернативой губительным крайностям должно было бы стать обретение различными слоями российского общества социальной и политической субъектности, в том числе и более равномерного доступа к контактам с внешним миром, при котором Запад уже не будет казаться монолитным целым, а различные интересы и силы гражданского общества будут, наряду с элитами, вольны выбирать себе партнеров на Западе и Востоке в соответствии с собственными приоритетами и ценностями. Но это уже вопрос не российско-американских отношений, а развития общества и гражданского самосознания в России.